

ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ КАК ОСМЫСЛЕНИЕ СВЯЗИ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО В ФИЛОСОФИИ В.С. СОЛОВЬЕВА

О.Ф. Кунгурова

Вл. Соловьев – христианский философ, основоположник самостоятельной традиции русской философской мысли. Его творческая душа жаждала не только мистических созерцаний и отвлеченных умозрений, но и деятельного воплощения в жизнь основ христианского миропонимания.

Соловьев остро переживал современную ему жизнь российского общества. Он предчувствовал наступление мировых событий катастрофического характера, которые были уже заложены в настоящем. По определению Е. Рашковского, «Соловьев – традиционный христианский мыслитель, как бы случайно заблудившийся в веке позитивизма, ницшеанства и марксизма. Или – как бы неслучайно посланный в этот век» [1, с. 57]. Все творческое наследие философа пронизывает проблема многозначной и парадоксальной связи времени и Вечности.

Философская система Соловьева строится по исторической схеме как история развития мирового духа, как тео-космо-исторический процесс. Анализируя этот процесс, мыслитель уделял большое внимание его темпоральным характеристикам. По ряду работ, в первую очередь таких как «Русская идея», «История и будущность теократии», «Россия и вселенская церковь», реконструируется позиция Соловьева по вопросу возникновения времени, его целостности, векторности, структурированности и соотносительности с Вечностью.

Философ различал Божественную, природную жизнь и жизнь Церкви. На всех этих уровнях он рассматривал соотношение Вечности и времени. В вечной Божественной жизни нет времени, нет никакого различия между настоящим, прошедшим и будущим. В жизни природной, «съемаемой временем», это различие существует, но обманчиво, ибо сейчас же уничтожается, так как здесь всякий будущий момент, не успевая стать настоящим, переходит в прошедшее, чтобы совсем исчезнуть. В жизни Церкви – полнота Вечности должна осуществляться в различии трех времен, не беспредельно сменяющихся, а

восполняющих друг друга. В пребывающей связи времен – осуществление любви, а в их различии – условие свободы [2, с. 259]. Как видим, целостность исторического времени, по мнению философа, обладает наибольшей полнотой в богочеловеческой жизни, а в жизни природной она обманчива.

Выражение Соловьева «жизнь природная, съедаемая временем» находит объяснение в проводимой им аналогии с древнегреческим мифом о Кроносе (Времени). Природная жизнь строится по закону отцеубийства. В этой жизни новое поколение достигает пользования действительностью, лишь неблагородно вытесняя своих предков, но потому-то это преступное существование и длится лишь одно мгновение. Кронос, искалечив и вытеснив старого Уроноса, сам был в свою очередь устранен Зевсом, которого ему не удалось проглотить. Но и этот новый бог вступил на оскверненный престол лишь для того, чтобы со временем потерпеть подобную же участь. Таков закон фальсифицированной жизни, которая «скорее смерть, чем жизнь» [3, с. 197]. Итак, в природной жизни время убийственно. А в божественной жизни его нет. Как же, по мнению Соловьева, оно возникло? Ответ находим в работе «Россия и вселенская церковь». В главе «Душа мира – основа творения, пространства, времени и механической причинности» суть мирового процесса предстает как борьба Божественного Слова и адского начала за власть над мировой душой.

Душа мира, получив независимое существование от Бога, раздерганная во все стороны слепыми силами, оспаривающими друг у друга исключительное существование, испытывает смутное, но глубокое желание единства. Этим желанием она привлекает действие Слова, которое открывается ей в общей и неопределенной идее вселенной, мира единого и нераздельного. Это идеальное единство, реализуясь на основе хаотической протяженности, принимает форму неопределенного пространства. Но душе недостаточно внешней беспредельности; она хочет

испытать еще и внутреннюю целокупность субъективного существования. Эта целокупность, которая вечно господствует в Божественной Троице, заслонена для хаотической души неопределенной последовательностью случайных и безразличных моментов, которую называют временем. В этой части рассуждений, как видим, встречается одно из определений, которое Соловьев давал понятию «время». Такое понимание времени делает его отстраненным от человека и человеческой деятельности.

Далее философ построил следующую логическую цепочку. Ложная бесконечность, налагающая цепи на душу, побуждает ее желать истины; и на это желание Божественное Слово отвечает внушением новой идеи. Своим действием на душу Верховная Троица отражается в потоке неопределенной продолжительности в образе трех времен. Желая осуществить для себя действительность в ее целом, душа принуждена дополнять каждый данный момент своего существования воспоминанием, более или менее затемненным, прошедшего без начала и ожиданием, более или менее смутным, будущего без конца.

И, как глубокое основание этого изменчивого отношения, являются три главных состояния самой души, ее тройное положение по отношению к Божеству, установленное для нее в форме трех времен. Состояние ее первоначального поглощения в единстве Вечного Отца, как чистой мощи или простой возможности, определяется, как *прошлое* души. Состояние ее отделения от Бога в слепой силе хаотического желания представляет ее *настоящее*. Возвращение к Богу, воссоединение с Ним, является предметом ее стремлений и ее усилий – идеальным ее *будущим* [4, с. 450–451]. Так возникает время – неопределенная последовательность случайных и безразличных моментов – и три его модуса – прошлое, настоящее и будущее.

Между Божественной и природной жизнью существует жизнь Церкви, где наблюдается иное существование времени. Прошлое и будущее, традиция и идеал, не только не исключают друг друга, но равно существенны и необходимы для создания истинного настоящего человечества, его благосостояния в данное время. Благочестие, справедливость и милосердие должны образовать устойчивую и нерасторжимую связь между представителями прошлого единства, настоящей множественности и будущей целостности человечества.

Истинное непреходящее **прошлое** человечества представляет Вселенский Первосвященник, светская власть национального государя сосредотачивает в себе и олицетворяет собою интересы, права и обязанности **настоящего**, пророк открывает начало осуществления идеального **будущего** человечества. Согласие и гармоническое действие этих трех главных факторов является первым условием истинного прогресса. Чем совершеннее единение этих трех одновременных представителей прошлого, настоящего и будущего человечества, тем решительнее победа Вселенской Церкви над роковым законом времени и смерти, тем теснее связь, соединяющая наше земное существование с вечной жизнью Божественной Троицы [3, с. 198–201].

Своеобразным является подход Соловьева к структурированию исторического времени. Во-первых, он рассматривал исторические события в качестве основания выделения периодов в истории. Таким центральным событием в его философии истории является рождение нового типа человека. Во-вторых, философ рассматривал историю мира в целом, опираясь на разработанный им принцип всеединства, а не историю человеческого общества, что было довольно распространено в XIX веке. Исторический процесс – это завершающая часть мирового процесса. Человеческой истории предшествовал космогонический процесс.

Для структурирования исторического времени Соловьев использовал традиционные в христианском мировосприятии события-символы. Первым эпохальным событием, гранью между двумя процессами считается Грехопадение. Далее следует человеческая история. Но, если в традиционном христианском восприятии времени история человечества – это только миг между прошлым и будущим, это не заслуживающая внимания профанная история (в определенной степени – экстемпоральность), то для Соловьева настоящее имело существенный смысл. Настоящее – это богочеловеческий процесс, который ведет к царству Божьему. В работе «Об упадке средневекового миросозерцания» он писал, что между раздвинувшимися пределами божественного прошедшего и божественного будущего настоящая человеческая жизнь должна быть «деятельным продолжением одного и деятельным приготовлением другого» [5, с. 345]. Космический по масштабам проект обуздания всеразрушающего

времени разворачивается в земном мире и подвластно лишь Богочеловечеству.

Следующее эпохальное событие – пришествие Иисуса Христа. Это середина истории. Сущность данного события философ уточнял в «Чтениях о богочеловечестве». Иисус Христос из центра Вечности должен был сделаться центром истории, явившись в определенный момент – в полноту времен. Злой дух разлада и вражды, вечно бессильный против Бога, в начале времен осилил человека, а в середине времен должен быть осилён Сыном Божиим и Сыном человеческим, чтобы в конце времен быть изгнанным из всего творения [6, с. 184]. Иисус Христос спас мир в принципе, в центре, а распространить это спасение на весь круг человеческой жизни он может только вместе с человечеством.

Третье эпохальное событие в структурировании исторического времени – Страшный Суд. Он рассматривается как грань, как переход в метаисторию. Так происходит демаркация исторического процесса в христианском мировосприятии. Вл. Соловьев, как христианский философ, использовал этот подход. Каждое эпохальное событие – это определенный разрыв времени, наступление иного периода, с другим содержанием. Событийное и духовное измерение исторического времени в философской системе Соловьева очень взаимосвязаны. Прямое подтверждение этому находим в «Чтениях о богочеловечестве». Философ отмечал, что религия – это связь человека и мира с безусловным началом и только тогда, когда есть эта связь, все дела и страдания человека «превращаются из бесцельных и бессмысленных *явлений* в разумные, внутренне необходимые *события*» [6, с. 32]. При этом под событием понимается не все то, что происходит с человеком и человечеством, а только то, что имеет смысл с точки зрения приближения Царства Божьего.

Конец и цель истории – духовное человечество. Понимание земной истории как движения от человека натурального к человеку духовному связано с утверждением философа о том, что человек временен как явление и вечен как сущность, человек со-вечен Богу [6, с. 149]. Эта мысль получила оригинальную интерпретацию в его трудах. Соловьев считал, что природа живет вечно, она равнодушна к смертным существам, из которых только человек «хочет быть не орудием, а обладателем вечной жизни». Главное противоречие человека – это противоречие

между его абсолютной и вечной сущностью и преходящим, временным существованием. Но, если Бог вечен, вечна и его деятельность, главным объектом которой выступает человек. Если человек не вечен, то творчество бога лишено объекта. Говоря, что человек вечен как Бог, Соловьев вел речь об идеальном человеке – частице мировой вселенской души, божественного «мирового разума» – Софии. Являясь частицей «мирового разума», человек приобщается к Вечности, как единичное существо человек участвует в реальной повседневной жизни, но одновременно, благодаря своей душе, он является частицей вечно живущего человечества.

В процессе непрерывного развития мира человек со-творец, он участвует в просветлении Хаоса, придании ему порядка. Человек утверждает красоту, неразрывно связанную с правдивым знанием, добром и нравственностью. Будучи хорошо знакомым с философией истории Гегеля, русский философ не принимал того, что гегелевский абсолютный разум, раскрывающий свое содержание в истории, равнодушен к добру и злу.

В книге «Оправдание добра» Соловьев приводил возможный спор времени и Вечности. Время основывает свою неограниченную власть на всеилии смерти. Стоит ли творить добро, если оно, как и зло, подвержено неизбежной гибели, исчезновению в Лете? Время призывает отказаться от бесплодной рефлексии, не думать о будущем и жить лишь одним сегодняшним днем. Но все-таки последние слова в этом споре остаются за Вечностью: «Умерли твои отцы, но не перестали существовать, ибо ключи бытия – у меня. Не верь, что они исчезли, и чтобы увидеть их, свяжи себя с невидимыми верной связью добра: чти их, жалея о них, стыдись забывать о них» [7, с. 494]. Общественный и нравственный прогресс в историософии Соловьева тесно взаимосвязаны. Преобразование общества, по его мнению, может осуществиться только изнутри – из ума и сердца человеческого.

С проблемой времени тесно связано и одно из основных понятий историософии Соловьева – понятие теократии. Теократия рассматривалась не только как главная характеристика исторического процесса, некая матрица интерпретации любого события в развитии человечества, но и как особая система политической власти. Прообразом такой власти был Иисус Христос, сочетавший власть царскую, священническую и пророческую. Это своеобразная попытка овладеть време-

нем: власть первосвященника погружена в прошедшее, царская занята настоящим, власть пророческого служения воспринимает будущее. Идеалом такого восприятия должна быть церковь, которая в своем настоящем сохраняет свое прошлое и не устраняется своим будущим, а возвращается к себе и к своему прошлому.

Такое соотношение модусов времени задает циклическое времявосприятие. Однако историософская концепция Соловьева сочетает как циклическую модель исторического времени, так и линейную. Это может быть показано в рамках одной философской работы. В работе «Три силы» русский мыслитель кладет в основу для различения исторических эпох преобладание одной из трех сил. Первая характеризуется формулой «один господин и мертвая масса рабов». Вторая сила предстает как «всеобщий эгоизм и анархия, множественность без внутренней связи». Третья «примиряет единство высшего начала со свободной множественностью частных форм и элементов». В современном философу мире эти силы олицетворялись мусульманским Востоком, Западной цивилизацией и Славянским миром.

Чтобы понять логику дальнейших рассуждений Соловьева, необходимо уточнить, какой смысл он вкладывал в данном случае в понятие «время». В «Чтениях о богочеловечестве» дается следующее определение: «время есть форма внутреннего объединения и условие для восстановления органической связи существующего, которая в природе не будучи *данною*, по необходимости является *достигаемою*, т.е. как *процесс*». И далее: «Как под божественным порядком все *вечно есть* абсолютный организм, так по закону природного бытия все постепенно *становится* таким организмом *во времени*» [6, с. 165, 166]. Как видим, времени дается совершенное иное определение. Оно уже не есть последовательность случайных и безразличных моментов, а выполняет две функции. Во-первых, является формой внутреннего объединения (множественность наций в историческом времени движется к будущему единству). Во-вторых, время исторического процесса – это условие становления абсолютного организма.

Возвращаясь к «Трем силам» отметим, что, по мнению Соловьева, на мусульманском Востоке нет признаков «последовательного органического прогресса», Запад демонстрирует быстрое и непрерывное развитие,

но утверждает безбожного человека, который есть «преходящее явление в бесконечном времени». Таким образом, первые две силы привели народы им подвластные к духовной смерти и тем самым завершили «круг своего проявления» [8, с. 56]. Закончились малые циклы Востока и Запада, духовный прогресс связывается философом с третьей силой – Славянским миром и народом русским. Жалкое положение России в экономической и других сферах – это только подтверждение того, что «есть сила не от мира сего». Благодаря этой силе продолжается движение во времени и становление абсолютного организма. Однако это прогрессивное, линейное развитие оказывается все же вписанным в большой цикл христианской истории. Богочеловеческий процесс Соловьев рассматривал как обратное движение к Троице.

Переход в метаисторию тесно связан с темой конца истории. Картина конца истории описана Соловьевым в «Трех разговорах». Приводятся три концепции истории и в каждой своя «правда». Относительную правду в истории совершают народы, действия которых представлены в широкой панораме мирового исторического процесса. Россия все еще не сказала своего слова в истории. Мучительные сомнения Соловьева в миссии России можно назвать трагическим оптимизмом. Период русской истории, современником которого был Соловьев, оценивался им как тусклое и тяжелое безвременье, нравственная сила которого дошла до «круглого нуля»: «Заглядывая в душу нашего общества не увидишь там ни ясного добра, ни ясного зла... Такие тусклые моменты – отсрочки для Суда истории. Провидение как будто выжидает и безмолвствует» [9, с. 23]. Да и человечество в целом похоже на больного старика. Философ с болью пишет о попытках современной цивилизации «устроиться в области *временных, конечных* интересов» [6, с. 34]. Время как бы остановилось. Или по-другому – наступило безвременье. Общественный и нравственный прогресс прекратился. Время перестало быть условием становления Царства Божьего.

В другой работе Соловьева – «Тайне прогресса» – этот же период характеризовался не как безвременье, а как «темный и неудержимый поток». Однако смысл вкладывался один и тот же. Современный человек в охоте за беглыми, минутными благами и летучими фантазиями потерял правый путь жизни. Время, как дятел, беспощадно отсчи-

ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ КАК ОСМЫСЛЕНИЕ СВЯЗИ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО В ФИЛОСОФИИ В.С. СОЛОВЬЕВА

тывает потерянные мгновения (опять время воспринимается как последовательность безразличных моментов). Это равносильно безвременью: нет движения к «абсолютному организму», нет времени как формы этого движения. Однако в данном произведении Соловьев – оптимист. Он привел общеизвестную сказку о том, как охотник, заблудившись в лесу, переносит через бурливый поток сгорбленную старуху, а она превращается в неопisanную красавицу. Смысл этой сказки трактовался философом следующим образом. «Блаженны верующие: еще стоя на этом берегу, они уже видят из-за морщин дряхлости блеск нетленной красоты. Но и неверящие в будущее превращение имеют тоже выгоду – *нечаянной радости*. И для тех, и для других дело одно: идти вперед, взяв на себя всю тяжесть старины» [10, с. 557]. А тайна прогресса заключается в том, что *спасающийся спасется*.

Однако, спасение человека и человечества, как в «Тайне прогресса», так и в «Трех разговорах», невозможно на путях утилитарной морали. Показано как решение земных проблем не приводит к одухотворению ни отдельных личностей, ни социума в целом. Когда же, по сюжету произведения, Антихрист захотел дать самое главное для христиан, произошло второе пришествие Иисуса Христа.

В этой развязке фиксируется переход Соловьева от философии истории к апокалиптике, которая есть доведенное до пределов требование безусловной моральности исторической жизни. Даже если идет свертывание истории, на чем настаивал философ в «Трех разговорах», довершать свои дела необходимо достойно. Опыт исторической практики человека связан с земным определением и самоопределением перед Вечностью и с его возможными дальнейшими путями в Вечности. Духовное измерение времени являлось для Соловьева основным в осмыслении человеческой истории перед лицом Вечности.

Подводя итоги изучения проблемы времени в историософии Вл.Соловьева, отметим основные положения.

История для Соловьева темпоральна в том смысле, что она рассматривается в соответствии с настоящим положением. Современная эпоха рассматривается им как

ожидание действия третьей силы и как безвременье (в конце его жизни), когда нравственный потенциал дошел до «круглого нуля».

Философ создает темпоральный образ, в сущностных моментах совпадающий с традиционным христианским времявосприятием. Он использует событийное измерение исторического времени. События-символы делят историческое время на отрезки-эпохи. Центральным событием для него является рождение нового типа человека.

Событийное измерение времени тесно связано в историософии Соловьева с его духовно-нравственным измерением. Историческое движение понимается как нарастание добра, как движение от зверочеловечества к духовному человечеству.

В основе аксиологических оценок исторического прогресса лежат христианские ценности и сближение Бога и человека. Человек – партнер Бога в проекте обуздания всеразрушающего времени. «Время» определяется как неопределенная последовательность случайных и безразличных моментов. В такой трактовке оно и понимается как разрушающее. Однако Соловьев приводит и совершенно иную трактовку: время есть форма внутреннего объединения, условие для восстановления органической связи существующего, которая достигается как процесс. И в таком смысле время не разрушает, а ведет к Вечности Бога.

Соловьев использует целостную темпоральную структуру. Она персонифицируется вселенским первосвященником (прошлое), национальным государем (настоящее) и пророком (будущее). Чем совершеннее единение этих трех одновременных представителей прошлого, настоящего и будущего, тем решительнее победа Вселенской Церкви.

Для всей историософии Соловьева характерно сочетание циклического и линейно-направленного времявосприятия: однопользованный процесс на этапе движения к богочеловеку и возвращение к Богу как большой цикл христианской истории.

В целом вся темпоральная проблематика обусловлена философией всеединства и эсхатологией, понимаемой Соловьевым как духовное видение о предельных основаниях сущего, которое дано нашему человеческому опыту в исторических проявлениях.

Литература

1. Рашковский Е. Владимир Соловьев: метафизика человеческого достоинства // Страницы. – 1996. – №1. – С. 53–62.
2. Соловьев В.С. История и будущность теократии (Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни) // Соловьев В.С. Собр. соч. 2-е изд. Т. 4 (1883–1887). – СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение». – 658 с. – С. 241–639.
3. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. – Мн.: Харвест, 1999. – 1600 с. – С. 161–207.
4. Соловьев В.С. Россия и Вселенская Церковь // Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. – Мн.: Харвест, 1999. – 1600 с. – С. 233–524.
5. Соловьев В.С. Об упадке средневекового мирозерцания // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – С. 339–350.
6. Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров»: Краткая повесть об антихристе. – СПб.: Худож. лит., 1994. 528 с.
7. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1988. – Т. 1. – 892 с. – С. 47–580.
8. Соловьев В.С. Три силы // Соловьев В.С. Избранное. – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 41–60.
9. Лосев А.Ф. Творческий путь Владимира Соловьева // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 3–32.
10. Соловьев В.С. Тайна прогресса // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 556–557.